

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-10.414k-p077

С. В. ЛУРЬЕ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ СЦЕНАРИИ

Статья посвящена рассмотрению межэтнической брачности в современной России как социокультурного явления. Изучаются и истолковываются его динамика и особенности, как сближающие, так и противопоставляющие его феномену широко распространенных межнациональных браков в СССР. Задачей статьи было определить, каким образом национально-смешанные браки соотносятся с национальным сценарием современной России, вписываются ли в него, являются ли ценностно одобряемым и культурно обусловленным явлением. С этой целью анализируется статистика межэтнических браков по России и ее регионам, данные опросов общественного мнения и существующая вокруг феномена современной межэтнической брачности мифология, выраженная как в СМИ, так и наглядно проявляющаяся во многих научных исследованиях, провоцируя искажение фактов. На этой базе в статье представлена социокультурологическая трактовка изучаемого явления.

Ключевые слова: межэтнические браки, межэтнические отношения, социокультурный сценарий.

Межэтнические семьи остаются заметным фактом жизни современной России. Доля их лишь немного ниже доли национально-смешанных семей в последние годы существования РСФСР. Но поменялся контекст, в котором они существуют. Если ранее они были вписаны в советский социокультурный сценарий в качестве значимой составляющей и пропагандировались, то сегодня им особого внимания не уделяется (разве что в СМИ в качестве «страшилки», когда пугают засильем мигрантов) или отдельных региональных научных центрах в качестве продолжения по инерции исследований, начатых еще в советскую пору. Но в этих исследованиях уже нет ощущения социального заказа, обращения к важной и ценностно осознаваемой теме. Нет и новой научной и культурной парадигмы, в которую эти исследования

встраиваются. Между тем, поскольку в Российской Федерации доля межэтнических браков продолжает оставаться достаточно заметной, важен вопрос, что представляют собой межэтнические браки в России сейчас, в какой социокультурной сценарий они встроены, что так распространены, имеют ли самостоятельное культурное значение.

Современные исследователи межэтнической брачности в один голос говорят о диагностическом и прогностическом значении статистики национально-смешанных браков в том или ином регионе для оценки состояния там межэтнических отношений. Об этом пишут И. А. Макарова (Макарова 2013: 2), Е. М. Галкина (Галкина 1993: 12), Г. Р. Столярова (Столярова 2004: 3), Т. Л. Трифонова (Трифорова 2008: 2), А. А. Минасян (Минасян 2013: 4), М. А. Зейтунян (Зейтунян 2006: 12–13), Э. С. Асанова (Асанова 2009: 5), Л. А. Делова (Делова 2001: 7) и другие. Действительно, точка зрения очень распространенная! Применительно к российской действительности, по словам З. Л. Сизоренко, рост количества межэтнических семей «противоречит некоторым декларациям, характеризующим состояние современной семьи как кризисное, а межэтнические отношения как напряженные» (Сизоренко 2007: 140).

Но представляется, что рост межэтнической брачности отражает не сами по себе хорошие межэтнические отношения. На распространение этнически смешанной брачности влияют многие факторы, прежде всего этнокультурные. Так, например, в Дагестане, «несмотря на существующие толерантные межэтнические отношения, все-таки в общественном мнении дагестанских народов превалирует необходимость учитывать этническую принадлежность при выборе брачного партнера» (Шахбанова 2008: 75).

Какие же факторы влияют на долю межэтнической брачности в регионе? Следует выделить факторы культурные, ценностные, этнопсихологические, социальные и социопсихологические, религиозные, влияние этностереотипных представлений о семье и ментальных особенностей народов. Необходимо подчеркнуть, что на вероятность образования межэтнических семей влияют и особенности миграции населения, наличие языка межнационального общения, ассимиляционные тенденции в обществе, политика государства в межнациональной сфере, идеология и национальный проект, который реализуется в стране, а также стихийно складывающиеся народный, низовой, сценарии межнациональных отношений.

Обратимся, прежде всего, к влиянию на динамику межэтнической брачности государственной идеологии и связанных с ней ассимиляционных тенденций. Социалистический период истории нашей страны характеризовался постоянным декларированием межнационального брака как средства укрепления дружбы между народами, что и обуславливало повышенное внимание к этому явлению. Сейчас такой последовательной государственной политики в этой сфере нет, и «институт межнационального брака испытывает дополнительное давление, поскольку, если в советский период отношения между русским и другими народами декларировались как «братские», межнациональное устройство оценивалось как связь «старших и младших братьев», то современный этап основан на принципах суверенитета» (Зейтунян 2006: 17–18), а точнее было бы сказать, на отсутствии ясно выраженных национальных принципов. Ведь основанная на таких принципах «политика государства самым непосредственным образом может влиять на создание межэтнических семей, так и создавать этому препятствия. Если, к примеру, политика государства направлена на консолидацию межэтнических отношений, то межэтнические семьи будут ячейкой, благодаря которой возможно складывание тесных и дружественных отношений. В случае же политической поддержки этнической обособленности людей существование межэтнических семей будет фактически невозможным. В СССР наблюдался высокий уровень межэтнической брачности, что было обусловлено проводившейся советским правительством политикой, направленной на развитие дружественных межэтнических отношений. На такой социальной основе в стране беспрепятственно складывались межэтнические браки, причем практически у всех народов» (Бокова 2007: 107). В начале же 1990-х гг. появились новые тенденции, «негативные процессы, вызванные распадом СССР, усиление этнонационалистических тенденций способствовали тому, что в общественном сознании сформировалось отрицательное отношение к самой идее заключения смешанных браков» (Шахбанова 2008: 74).

В 1990-е гг. исчезла советская идентичность, и для многих единственной устойчивой самоидентификацией стала этническая. «Рост идентификации с наиболее стабильной группой — этносом — в период потери казавшихся незыблемыми факторов идентификации — с советским народом, коллективом и пр. — является фактором, детерминирующим отрицательную динамику межэтнической брачности. <...> В условиях идентификации с этнической группой отказ от

межэтнического брака является фактором включенности личности в референтную группу» (Делова 2001: 15). Актуализация элементов национального самосознания людей часто обуславливала отрицательную динамику межэтнической брачности. Например, на Северном Кавказе «этнически смешанные семьи оказались лишены социальной основы, так как с идеологической либерализацией и переориентацией на этнические ценности они стали невостребованными» (Верещагина 2003: 16). Данная тенденция, похоже, не является ситуативной, а оказывает долговременное влияние: «Дети, выросшие в обстановке межэтнической напряженности, а подчас и ненависти, в которой этническая принадлежность играет большую, а порой и главную роль, в большинстве своем не будут вступать в брак с представителем другого этноса. События последних десятилетий, отмеченные высокой степенью конфликтности на почве межэтнических отношений, самым негативным образом повлияли и будут продолжать влиять на динамику межэтнической брачности. Численность смешанных браков будет уменьшаться, независимо от состояния межэтнических отношений. Потребуется немало времени, чтобы приостановить этот процесс. Прогноз же на ближайшее будущее не внушает оптимизма, поскольку тенденция падения межэтнической брачности на Северном Кавказе будет сохраняться в ближайшие десятилетия, так как подорвана сама основа для заключения межэтнических браков» (Смешанная семья... 2014).

Противоположной тенденции, кажется, неоткуда и взяться. Хотя в современной России межэтнические отношения стали относительно малоконфликтными, тема межэтнической брачности в ее идеологическом поле отсутствует. Это, кстати, выражается и в отсутствие заметного интереса к теме этнически смешанной брачности в научной литературе. Имеющиеся в подавляющем большинстве касаются не общезначимых аспектов темы, а особенностей ее преломления в некоторых отдельных регионах. Исследователи отмечают, что «их (межэтнических браков) положение в обществе отличается от их положения в СССР», и в отличие от СССР «их состояние и проблемы пока не стали предметом внимания социологов» (Хачатрян, Чадова 2016: 129). Как отмечает А. А. Шагян, «в современных условиях интерес к проблематике межэтнических браков и этнически смешанных семей в России значительно снизился. Если сравнивать интенсивность обсуждений и дискуссий в научных кругах, скажем в 1980-е гг. и сегодня, то мы вынуждены отметить тенденцию снижения степени освещенности данной темы» (Шагян 2015). Да, в научной литературе внимание

к теме этнически смешанной брачности относительно незначительно, но вот в ряде «российских СМИ тема межэтнических браков вызывает устойчивый повышенный интерес, что неудивительно в свете обострившихся проблем миграции. Однако, как правило, в СМИ попадает только ситуативная информация такого рода, что сильно смазывает и даже деформирует картину» (Чеснокова 2012).

Если в России нет специфической идеологии, стимулирующей межэтническую брачность, в современном мире есть общие тенденции, в рамках которых существуют межэтнические семьи: прежде всего их распространение вызвано глобализацией и секуляризацией. «Особую роль в развитии межэтнической брачности сыграли процессы секуляризации, изменения ценности религии в сознании современного человека» (Зейтунян 2006: 4). В какой-то мере на формирование советского феномена межэтнической брачности влияла безрелигиозность советского общества, атеизм был общесоветской идеологией, стимулирующей распространение национально-смешанных браков. «Межконфессиональные браки так не назывались, потому что был период атеизма, было толерантное отношение к своим, а своим считался советский человек» (О. Маховская, цит. по: Кузнецова 2011). В контексте общих глобализационных и секуляристских тенденций сегодня «численность национально-смешанных браков в различных регионах России находится в прямой зависимости от степени сохранности в конкретных регионах элементов традиционного образа жизни» (Шагян 2015) — традиционность общества является препятствием значительного распространения межэтнической брачности. Но традиционность многих обществ сегодня возрастает. Сейчас, когда российское общество преодолело атеизм и возродило, по крайней мере, некоторые черты традиционной культуры народов, не может быть речи об этнокультурной гомогенности общества, как бы о том ни мечтали теоретики-глобалисты. Это проявляет себя так: по данным ВЦИОМ 2010 г., неодобрение у россиян вызывают браки людей с различной религиозной принадлежностью: почти половина опрошенных (48%) относится к этому негативно (ВЦИОМ 2010).

В контексте отсутствия в современном российском обществе идеологии, стимулирующей межэтническую брачность, каково отношение к ней простых россиян? Ответить на этот опрос однозначно нельзя. Результаты опросов российской молодежи об отношении к этнически смешанным бракам, проведенных разными исследователями, показывают сильные колебания положительного или отрицательного

отношения. Так, например, исследователи из Института социологии РАН в сотрудничестве с представительством Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации в марте-апреле 2009 г. выявили терпимое восприятие межэтнических браков среди молодых россиян, и, прежде всего, у русских. Почти 58% юношей и девушек не возражают против возможного брака с людьми другой национальности. Опрос в Твери показал, что 80% опрошенных молодых людей допускают межэтнические браки (Николаева, Федорова 2013: 213). Согласно данным Научно-исследовательского центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан 2008 г., положительно к межэтническому браку относятся 77,6% русских и 66,3% татар в Татарстане (опрашивались молодые люди до 30 лет) (Особенности межэтнического брака... 2009). По результатам опроса в Омске и Екатеринбурге, проведенного А. Е. Коптяевой, известно, что 31% опрошенных девушек в Омске относятся к межэтническим бракам положительно, еще 31% — нейтрально, 19% положительно при определенных условиях, еще 19% — негативно. Возможность подобных союзов для себя допустили 44%, для 50% подобный союз неприемлем, 6% затруднились с ответом. Среди омских юношей положительно относятся к межэтническим бракам 50%, негативно — 25%, выразили абсолютное безразличие к данному явлению еще 25%. 50% допустили для себя возможность межэтнического брака, еще 50% выразили отказ. Среди девушек Екатеринбурга 32% отзывались о межэтнических браках одобрительно, 4% положительно при соблюдении ряда условий, 6% — негативно, 55% выразили нейтральное отношение, 3% затруднились. Но 93% так или иначе допускают для себя межэтнический брак, 4% — категорически против, 3% не дали четкого ответа. Среди екатеринбургских юношей положительно относятся к межнациональному браку 19%, отрицательно — тоже 19% опрошенных, подавляющее большинство — 62% — относятся «никак». Еще 5% указали, что могут позитивно или нейтрально охарактеризовать межэтнический брак в случае единства религии супругов (Коптяева 2016: 253–266). Такой разницей в цифрах показывает, что тема межэтнических браков малозначима для современной российской молодежи. Особенно показательным в этом отношении исследование Е. С. Токаревой, проведенное в Курске среди студентов Юго-Западного университета. Она задавала вопрос о том, как молодые люди считают, одобряет ли российское общество межэтнические браки, а затем ставился вопрос о том, одобряют ли такие браки сами молодые люди. По мнению опрашиваемых, совре-

менное общество не одобряет межэтнические браки (48%), лишь около 30% респондентов придерживается противоположного мнения, 10% затрудняются ответить. Что касается самих респондентов, то они, в свою очередь, скорее одобряют межэтнические браки. 34% студентов склонны относиться скорее положительно к межэтническим бракам, 24% — заняли позицию полного одобрения таких браков, 20% — не одобряют межэтнические браки и 14% скорее относятся отрицательно, 8% респондентов затруднились ответить на данный вопрос. 64% опрошенных готовы вступить в такого рода брак, 36% — нет. При этом Токарева приходит к выводу, что в целом место межэтнического брака по отношению к моноэтническому в системе ценностей молодежи занимает периферийные позиции. Существенная часть студенческой молодежи ориентирована на мононациональный брак, межэтнический брак для большинства молодых людей и девушек является приемлемым, однако менее желательным (Токарева 2013).

Итак, мы видим, что межэтнические браки вполне допускаются сегодняшним складывающимся национальным сценарием, но являются ли они его элементом? Однозначно они не являются инструментом сближения между народами, как было в советскую эпоху. Скорее, приятие национально-смешанной брачности — элемент парадигмы упрочения российского как совокупности индивидов разной национальной принадлежности. Это означает, что на межэтническую брачность будут влиять не «скрепы» между народами, которые связаны с ценностями и идеалами, а только комплементарность народов на поведенческом уровне, приятие бытовых сценариев поведения друг друга. Это выражается в отсутствии каких-либо общих тенденций в динамике межэтнической брачности в России и в противоречивости таких тенденций в разных регионах. Более того, следует предположить, что численность национально-смешанных браков будет расти или уменьшаться по логике не понятной на поверхностный взгляд и объяснимой некоторыми особенностями этнопсихологической конституции народов, которая включает комплекс психологически комфортных действий, порой вне зависимости от их идеального значения и даже ценностной подоплеку. Очевидно, именно это мы и видим в разнонаправленных цифрах брачной динамики разных народов России.

Конечно, хочется представить некоторые общие тенденции национально-смешанной брачности. Например, так естественно предпо-

ложить, что в 1990-е гг. доля межэтнических браков должна была упасть в связи с обострением национальных отношений в обществе, а в 2000-е — возрасти в связи с установлением определенной стабильности в стране. Исследователи часто озвучивают эту версию, говоря о том, что после распада СССР «этнополитические процессы повлияли и на динамику межэтнических браков: с начала 90-х гг. XX в. их число резко пошло на убыль» (Смешанная семья... 2014). «В результате распада СССР в стране усилились центробежные этнополитические тенденции, почти повсеместно происходило обострение межэтнических конфликтов. Подобная политика Российского государства вызвала резкое снижение численности межэтнических браков. Произошел поворот общественного сознания от ценностей интернационализма к национальной обособленности, к возрождению узко традиционных ценностей, культуры и этнической самоидентификации. Следствием этого стал распад многих межэтнических семей, переход к однонациональным семьям», — рассуждает Т. Л. Бокова (Бокова 2007: 102). Хачатрян и Чадова пишут: «Вследствие проводимой новыми суверенными государствами политики стягивания этносов на свою родину распались многие межэтнические браки и семьи. К 1994 г. доля межэтнических семей в семейной структуре общества сократилась до 11,5%. Но в последние годы наблюдается повышение интереса россиян к межэтническим бракам, увеличивается количество межэтнических семей, в них проживает примерно четверть населения РФ» (Хачатрян, Чадова 2016: 127). В этих пассажах, казалось бы, правдоподобных до очевидности, неверно все, кроме цифры 11,5% в 1994 г., которую исследователи приводят со ссылкой на данные микропереписи 1994 г. (Состояние в браке и рождаемость... 1995: 10–11). Примерно так рассуждают и большинство современных исследователей межэтнической брачности.

Так, казалось, должно было быть, но в реальности все не так однозначно. В 1990-е гг. определенное падение доли национально-смешанных пар было вовсе не велико. Отрицательная динамика кажется значительной потому, что ее сравнивают со средней по СССР, тогда как надо брать за контрольную точку долю межнациональных браков в РСФСР. В СССР в 1989 г. она составляла 17,5%, но в РСФСР она была ниже — 14,7% (а в 1979 г. в РСФСР была еще ниже — 12,3%) (Население СССР 1990: 32). По данным Госкомстата России, к 1994 г. доля межэтнических семей в семейной структуре общества сократилась до 11,5%, то есть снижение показателя при соответствующем более

корректном сравнении не кажется таким значительным. В регионах динамика противоречивая.

Действительно, в ряде регионов, например, на Северном Кавказе, доля межэтнических браков снизилась. Так, «на Северном Кавказе с 1980-х гг. начался процесс уменьшения доли межэтнических браков, который продолжается по сей день, и, по всей видимости, эта тенденция будет сохраняться очень долго» (Верещагина 2003: 14). Если сравнивать с 1989 г., то тогда у ингушей было 14% межэтнических браков, а в 2002-м стало 10,2%, у чеченцев было 10%, в 2002-м стало 6,9% (Население России... 2006: 237, 239). Но вот в Адыгее, при том, что исследователи говорят о снижении доли межэтнических браков в 1990-е гг. (Делова 2001: 25), в 2004 г., согласно справке Госкомстата республики Адыгеи, этнически смешанных браков было заключено 12% от регистрируемых браков (Зейтуния 2006: 15), тогда как в 1979 г. их было 11,0% (Делова 2001: 24).

Есть регионы, где в 1990-е гг. «с началом перестроечных процессов и демократизацией общества, как показывает статистика, наблюдается рост межэтнических семей» (Дудник 2007). Так, З. Л. Сизоренко с удивлением отмечает, что хотя в этот период «казалось бы, количество межэтнических браков должно было бы уменьшаться, однако, как свидетельствуют статистические данные, оно увеличивается. Например, в 1996 г. каждый третий ребенок в Башкортостане родился в межэтнической семье» (Сизоренко 1999). По данным переписи 2002 г. доля домохозяйств в Башкортостане, состоящих из лиц разных национальностей, составляет 29,0%. При этом доля лиц, проживающих в национально-смешанных домохозяйствах, не различается кардинально у наиболее многочисленных этносов: русских (31,3%), башкир (31,8%) и татар (39,7%). В 2000 гг. доля межэтнических браков там продолжает расти: в 2005 г. было заключено 1412 браков между русскими и татарами, в 2010 г. эта цифра увеличилась до 3224. В некоторых районах западной части республики доля межэтнических башкиро-татарских браков составляет 30% от общего числа браков (Динисламова, Садретдинова 2014: 63). Рост межэтнической брачности наблюдался и в Хакасии: в 1989-м было 15,8% смешанных браков у мужчин-хакасов и 19,8% — у женщин-хакасок; в 1993-м — 20,1% и 19,7%, соответственно. По данные 2007 г. национально-смешанных семей оказалось на 7,9% больше, чем в 1989 г. (Кривоногов 2011: 206). В Бурятии, по данным Г. С. Махаровой также «на рубеже 1990-х гг. по данным республиканского архива ЗАГС наблюдался рывок в сторону

увеличения смешанных семей» (Махарова 2003: 14). Однако, по данным А. Т. Трифоновой, в Бурятии скорее наблюдается колебательная динамика: совсем небольшое падение уровня межэтнической брачности в начале 1990-х, затем доля межэтнических браков растет вплоть до середины 2000-х, а затем вновь начинает медленно падать. Так по материалам Архива ЗАГС доля таких семей составляла в 1979 г. — 10,9%, в 1989 г. — 12,3%, в 1994-м — 11,9%, 1999-м — 12,4%, 2004-м — 13,4%, 2006-м — 14,2%, 2010-м — 12,0% (Трифонова 2014: 75). У коми и мордвы межэтническая брачность в 2002 г. достигает более чем 40% (а вне пределов своих республик — более чем 50%) (Сороко 2014: 103). Так по подсчетам В. А. Семенова, в республике Коми общее количество студентов университета-потомков от смешанных браков из 1500 опрошенных составило 54%, из них — 42,7% дети от браков коми с русскими или представителями других национальностей (Семенов 2014: 181–184).

Итак, единого сценария межэтнических отношений в России не было, и в регионах разворачивались локальные социокультурные сценарии, которые могли быть связаны и с ускорением распространения межэтнической брачности, а не обязательно с ее снижением¹.

Есть и причина, почему падение доли межэтнической брачности было относительно небольшим. Миграция, вызванная обострением национальных отношений вела не снижению, а к росту доли межэтнических браков, когда речь шла о миграции из республик бывшего СССР русских, которые увлекли за собой и так называемых русскоязычных — русскоговорящих представителей различных советских национальностей. Среди них было и немало национально-смешанных семей, заключенных в городах и селах бывших союзных республик. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в России насчитывалось 23 наиболее многочисленных национальности

¹ Впрочем, тут надо быть осторожным в выводах: статистика — дело тонкое. Не все данные можно сравнивать между собой. Объяснение некоторым непонятым тенденциям в динамике межэтнической брачности дает Д. Г. Бракина, основываясь на данных по Якутии. Она показывает, что «несмотря на увеличение числа межэтнических браков, исследования по специальным методикам, основанным на вычислении теоретической вероятности заключения браков представителями различных национальностей, подтверждают вывод об устойчивом росте эндогамии среди саха (якутов). Аналогичные процессы отмечаются среди титульных этносов и в других регионах Российской Федерации. Усиление эндогамности среди титульных этносов — один из важнейших моментов, выявленных в процессе изучения межэтнической брачности» (Бракина 2005: 81).

с численностью, превышающей 400 тыс. чел., а по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. таких национальностей было лишь 17 (Итоги Всероссийской переписи населения 2004: 166). Главным образом за счет миграционного прироста значительно увеличилась численность армян (с 532 до 1130 тыс. чел.), азербайджанцев (с 336 до 622 тыс. чел.), таджиков (с 38 до 120 тыс. чел.), китайцев (с 5 до 35 тыс. чел.) (Итоги Всероссийской переписи населения 2004: 428).

Следует отметить и такой факт, относящийся к 1990-м гг.: обострение межэтнических отношений не обязательно непосредственно сказывается на микроуровне национально-смешанных семей. Так, Т. А. Титова на большой многоступенчатой районированной выборке показала, что национально смешанные семьи в Татарстане очень мало непосредственно реагировали на обострившуюся этническую ситуацию там в 1990-е гг.: «Проблемы межэтнических взаимоотношений, этнического самосознания обсуждаются в 47% обследованных русско-татарских и 44% татаро-русских семей. Лишь в 15% опрошенных семей по обсуждаемым проблемам возникают разногласия. ... Проведенные опросы населения показывают, что в 1992 г. существовала определенная напряженность в общественном мнении по вопросам межэтнических взаимоотношений. Между тем, на внутрисемейные отношения разнонациональных супругов существовавшая напряженность влияния не оказывала. ... Мнение (о политических событиях) разнонациональных супругов по многим вопросам в большинстве обследованных семей совпадают» (Титова 1999: 77, 82). Выводам по Татарстану вторят выводы по Бурятии. Там среди опрошенных членов межэтнических семей только 6,5% допустили, что состояние межэтнических отношений в обществе может быть специфической причиной развода у национально смешанной пары (Трифоновна 2014: 86). По словам В. В. Гриценко, высказанным в самом начале 1990-х гг., «не подтвердилось предположение о том, что в национально-неоднородных семьях наблюдается большая рассогласованность во взглядах на стандартные ситуации, наличие разноэтнических моделей взаимодействия и повышенная в связи с этим конфликтность» (Гриценко 1991: 61). Однако косвенные факторы — прежде всего, давление внешнего окружения — несомненно влияют на межэтнические семьи: «можно с определенностью сказать, что социально-психологический климат, формирующийся вокруг национально-смешанных семей, является одним из важных факторов, влияющий на отношения супругов в их социальной микросреде» (Гриценко 1989: 20).

В целом в отличие от СССР, где наблюдалось пусть не равномерное у разных народов, но практически у всех поступательное увеличение доли межэтнической брачности, сегодня «в России нет какой-то единой тенденции и процесс этнического смешения, как и в прошлые десятилетия, доминирует отнюдь не повсеместно» (Шагян 2015). Об отсутствии единой тенденции в межэтнической брачности в России говорится и в издании «Население России 2003–2004» (Население России... 2006: 237).

Тем не менее, к 2000-ым годам доля этнически смешанных браков в Российской Федерации растет и достигает уровня 1989 г. По данным переписи 2002 г. уже 14,8% населения России проживают в этнически смешанных домохозяйствах (Итоги Всероссийской переписи... 2004: 465). В ежегодном демографическом докладе “Население России. 2003–2004” отмечается, что “этнически смешанные домохозяйства составляют в целом по стране 14,5% россиян. В городах — 15,0%, в селах — 13,3%”. (Население России 2006: 235). По данным переписи 2010 г. в интерпретации Е. Сороко этнически разнородных пар в России было только 12% (Сороко 2014: 114).

То есть, к 2010 г. межэтнических пар в России стало чуть больше, чем в 1990-е гг., когда по данным микропереписи 1994 г. их было, напомним, 11,5%, и чуть меньше, чем в РСФСР 1989 г., когда их было, напомним, 14,7%. Правда, цифры последних переписей можно сравнивать с цифрами советских переписей или микропереписи 1994 г. только приблизительно. Дело в том, что в советское время единицей подсчета была собственно семья, а в современной России — домохозяйство. Сопоставляя цифры, мы подразумеваем, что в одном домохозяйстве только одна брачная пара, и одна брачная пара имеет только одно домохозяйство, что, конечно, не всегда так. Поэтому подсчеты на основании последних переписей не точны. Основываясь на этих приблизительных подсчетах, демографы полагают, что в 2002 г. процент русских, состоящих в национально-смешанных браках ниже, чем на тот год в среднем у народов России — всего 11,8% (Население России 2006: 236). По данным Трофимовой, в Европейской части России, на территории основного расселения русских, доля национально-смешанных браков всего 3–5%, хотя эта цифра может быть и не совсем точна (Трифоновна 2014: 7).

Как бы то ни было, доля этнически смешанных браков в России, в том числе с участием русских, относительно невелика. Тем интереснее и показательнее, что во вроде бы научной литературе приводятся

совершенно фантастические цифры межэтнической брачности, которые опираются не на данные официальной статистики, а на фантазии журналистов, критическое отношение к которым — редкость. В диссертации Э. С. Асановой мы встречаем совершенно невероятные цифры: «В 1998 г. в результате некоторой стабилизации положения в стране наблюдается фиксирование числа межэтнических браков на определенном уровне. ... В 2000 г. в России примерно 23% населения составляли межэтнические семьи. В 2004 г. их стало уже 37%» (Асанова 2009: 15). Подобные цифры приводит и А. Т. Трифонова со ссылкой на сайт компании Monitoring.ru, открыть который нам не удалось (Трифорова 2014: 74). Конечно, такой резкий рывок в доле межэтнических браков в принципе невозможен, изменения тут гораздо более плавные. Но цифра «37%» кочует от источника к источнику².

Распространенность таких, основанных на домыслах данных свидетельствует, что отношение к межэтнической брачности в России значительно мифологизировано и отражает не подлинное состояние дел, а связанную с ними эмоцию, в частности, неприятие многими миграции представителей народов Кавказа, а также бывших союзных республик в города России. Такая фальсификация цифр и в научной литературе заслуживает особого внимания. Что до СМИ, то там встречается цифра и в 58% для межэтнических браков в России (Межэтнические браки: исключение или норма..., Межэтнические браки вредны..., Меняется картина межэтнического брака...). Что до Москвы, то приводится цифра и в 62% (Количество межэтнических браков...). А потому и в научной литературе делается вывод: «каждая пятая такая пара — православно-мусульманская. По прогнозам ученых, к 2025 г. доля русских в Москве может уменьшиться до 73% (сейчас — 89%). Зато заметно возрастет доля народов Закавказья, Средней Азии и Северного Кавказа» (Трифорова 2014: 74).

Определенные основания для таких опасений есть, но не преувеличены ли они? Реальные цифры браков россиян с мигрантами из Средней Азии не должны бы вызывать особой тревоги перед нежелательными ассимиляционными процессами. По данным Г. С. Солодовой, доля мигрантов, находящихся в межнациональном браке, не превышает

² Нам удалось предположительно выяснить, откуда взялась «гуляющая» в том числе и по научной литературе цифра 37% для межэтнических браков. Настолько возросло за период с 1993 по 2002 г. число браков с иностранными партнерами в Московском дворце бракосочетаний — единственного в Москве, который осуществляет регистрацию браков с иностранными гражданами (Корнеева 2006: 14).

8% (Солодова 2011: 47), хотя эта цифра вряд ли основана на анализе репрезентативной выборки. Но по заслуживающим высокое доверие данным Е. Сороко за восьмилетний межпереписной период с 2002 по 2010 г. в России доля состоящих в смешанных браках киргизов, таджиков и узбеков заметно сократилась, что «может быть объяснено значительным увеличением числа полных моноэтнических семей, прибывших в качестве трудовых мигрантов из соответствующих стран, по сравнению с их числом в предшествующий период. Так, если общее число киргизских супружеских пар за 8 лет выросло в 2,6 раза, то моноэтнических пар — в 3,7 раза. В течение рассматриваемого периода число моноэтнических узбекских пар увеличилось в 3,4 раза, а смешанных супружеских пар выросло лишь на 21%, что и послужило причиной снижения их доли во всех семьях с женой-узбечкой» (Сороко 2014: 99). Если смотреть по процентам, то по данным архивов ЗАГС в Москве, начиная с 2002 г., больше всего межэтнических браков (то есть браков между гражданами разных стран) было заключено в 2007 г. — 14,3% от общего числа браков (большинство их составляют русско-украинские и русско-белорусские браки). В Петербурге максимум межэтнических браков пришелся тоже на этот год. При этом в Петербурге количество межэтнических браков из года в год остается вдвое меньше, чем в Москве. Так, в пиковом 2007 г. таких браков в Петербурге было заключено 7,3% от общего количества (в Москве, напомним, — 14,3%). В 2011 г. в Москве межэтнических браков было 10,9%, а в Петербурге — 5,4% (Чеснокова 2012). Статистика показывает, что, вопреки бытующим представлениям, количество межэтнических браков и в Москве, и в Санкт-Петербурге в течение последних лет снижается, а не растет. Если исходить из того, что заключение межэтнических браков «свидетельствует об адаптации мигрантов по типу интеграции, о достижении социальной адекватности в новой культурной среде в отличие от неуспешной адаптации — адаптации по типу психологической защиты или изоляции в новой культуре» (Делова 2001: 24–25), то можно сказать, что мигранты в России адаптируются слабо. Это отдельная проблема, лишь косвенно относящаяся к проблеме межэтнической брачности. Для нас же важнее сопровождающий национально-смешанные браки миф, ибо он свидетельствует о том, в какой социокультурный сценарий они вписываются.

Что лежит в основе взгляда на межнациональные браки в контексте современного российского национального сценария? Конечно, во

многим он основан на советском наследии, «свой вклад вносит и общее советское прошлое — образование, общий язык, установки на жизнь помогают удерживать межэтнические браки» (О. Маховская, цит. по: Кузнецова 2011). Хотя ценностно за время, прошедшее с распада СССР, межэтнический брак пересмотрен, браки русских с представителями целого ряда народов рассматриваются как нежелательные³, ряд советских парадигм, относящихся к межэтнической брачности, остался в силе. Ведь опыт межэтнических браков в СССР радикально отличался от того, с чем приходилось сталкиваться людям в США и Западной Европе. Так, в советском дискурсе практически отсутствовало понятие расы, особенно в первые десятилетия советской власти. Государство распределяло граждан по «народностям» или «национальностям», а не по расовым признакам. Более того, эти категории воспринимались главным образом в культурно-историческом плане, а не в биологическом или генетическом. Так, башкирский исследователь М. В. Мурзабулатов, желая отойти от сложившейся в советское время традиции, пишет: «Общепринятые в историко-этнографической литературе термины “межнациональные браки (семьи)”, “национально-смешанные браки (семьи)” и т. п., на наш взгляд, нуждаются в некотором уточнении. <...> Общеизвестно, что русские относятся к европеоидной расе, а башкиры — типичная метисная популяция с преобладающей долей монголоидного компонента, чрезвычайно сходная с татарами Сибири, хакасами, ногайцами, казахами и другими народами... Следовательно, русско-башкирский брак и межэтнический, и, в какой-то степени, межрасовый. То же самое, видимо, можно сказать и о русско-мордовских, русско-марийских, русско-чуваших и т. д. браках» (Мурзабулатов 1994: 1). Но пересмотр понятий не удался, и само понятие «раса» для жителя России и сегодня несколько академическое. Для него живым и эмоционально окрашенным остается несколько туманное в научно-терминологическом смысле понятие «национальность» и советское понимание термина «нация», которое можно истолковать скорее как организационно оформленный этнос. Эти понятия в советской трактовке были положительно окрашенными, когда они касались советских народов, ведь неслучайно «историки называют советское многонациональное государство “создателем наций” (*maker of nations*), имея в виду

³ По данным ВЦИОМ за 2010 г., в наибольшей степени негативно воспринимают россияне браки с чеченцами (65%), арабами (63%), народами Средней Азии — казахами, таджиками, киргизами или узбеками (60%). Неприятие вызывают и союзы с грузинами, армянами и азербайджанцами (54%), а также с евреями (46%) (ВЦИОМ 2010).

проводившуюся государством институционализацию народностей через создание национальных республик, поддержку национальных языков и культур» (Уалиева, Эдриен 2011). В рамках советской парадигмы межэтнические браки, когда они совершались между представителями советских народов и вели к их сближению, рассматривались как явление однозначно желательное, ведь «в отличие от США и Европы, где довольно долго господствовало культурное неприятие смешанных браков, в СССР их поддерживали как в теории, так и на практике, поскольку смешанные браки способствовали окончательному слиянию наций в единый “советский народ”. Межэтнические браки рассматривались как инструмент модернизации — особенно в таких “отсталых” регионах, как Средняя Азия. По мнению советских теоретиков, именно смешанные пары скорее отходили от традиционного уклада, принимали современный, типично советский образ жизни, создавая у себя в республиках пример для подражания. Современность часто понималась как “русскость”, поскольку в смешанных семьях чаще всего говорили по-русски и вели городскую, “европейскую”, жизнь» (Уалиева, Эдриен 2011). Позднее, когда запрет на смешанные браки в США был снят (в ряде штатов США такой запрет существовал до 1967 г.), в США и Великобритании делались попытки показать, что изучение людей смешанного расового происхождения основывается на сомнительном с научной точки зрения предположении о реальности существования «расы». Между тем, в советской парадигме изучение межэтнических браков покоилось на убежденности в существовании отдельных чистых «этносов». И именно оно легло позднее в основание деструктивных национальных сценариев 1990-х гг.

Та мировоззренческая парадигма, которая просматривается в основе отношений к межнациональным бракам при национальных суверенитетах, лежит в русле советского восприятия национальности как однозначной и неизменной и вытекает из советского общественного интереса к вопросам этногенеза, возникшего в послевоенные годы. «“Этнос”, термин, вошедший в советскую этнографию в 1960-е гг., стал все чаще рассматриваться как биологическая и генетическая единица. В каждой национально-территориальной республике местные ученые стали отслеживать корни “титальной нации”, устанавливать ее “генотип” и “генофонд”. <...> Понимание национальности как природно заданной выдает себя в сопротивлении межэтническим бракам среди националистически настроенных групп, основным аргументом которых является необходимость сохранения чистого казахского “генофонда”» (Уалиева, Эдриен 2011).

Общественные дискуссии в России вокруг проблемы межэтнической брачности относятся именно к этому советскому восприятию национальности как чего-то раз данного. Отсюда это откровенное преувеличение цифр, относящихся к межэтническим бракам: исследователи и журналисты хотят привлечь внимание к вопросам, касающимся чистоты генофонда. При этом как бы исчезает культурная составляющая национальности, связанная с самоприписыванием и культурной идентичностью человека. Между тем стоило бы поставить вопрос о том, какую семью вообще следует рассматривать как национально-смешанную. Можно согласиться с тем, что «очевидно, ту, в которой супруги имеют не просто разную национальную принадлежность по документам, а относят себя к разным национальным культурам. Много ли таких семей на самом деле? Подобные браки большей частью заключаются в условиях крупного города, который “подобно котлу” стирает все различия, “переваривает их”, создавая свою среду, формируя свой, городской, образ жизни» (Сизоренко 2007). Как правило, исследователи, изучающие межэтнические браки, опираются на официальную статистику, которая, «фиксируя рост межэтнической брачности, ориентировалась до недавнего времени (2002 г.) на национальную принадлежность супругов, указанную в документах. Но совпадает ли она с национальной самоидентификацией личности супругов, с тем, к какой этнической культуре они себя относят? <...> В условиях крупного города семейный быт этнически слабо окрашен, то есть фактор национальной специфики теряет свою значимость» (Сизоренко 2007). Это касается детей от смешанных браков. Но вопрос значительно шире. Он касается и тех, кто вписывает себя в культуру народа, в котором не был рожден. Нередко дети от межэтнических браков затрудняются отнести себя к какой-либо национальности или фактически усваивают культуру народа, к которому не принадлежит ни один из родителей. Исследователи межэтнических браков часто отмечают, что «потомки из национально-смешанных семей не отождествляют себя ни с одним из родительских этносов, а идентифицируют с неким третьим (например, доминирующим в среде этнического обитания)» (Галкина 1993: 22). Еще в советское время А. А. Сусоколов писал, что приписывание ребенку от смешанного брака национальности на основе национальности отца или матери опирается на «генетический» подход к этнической принадлежности как к качеству, обязательно передаваемому «по наследству», тогда как национальная принадлежность определяется воспитанием, а не происхождением (Сусоколов, 1987: 130–131).

В советский период с его советскими культурами, имеющими общий знаменатель в секулярном и, часто, прямо атеистическом мировоззрении, подчеркивающим, что содержание у него советское, а национальное — только форма, в которой он проявляется, национальное самоопределение было порой делом формальным, что вело к психологической легкости заключения национально-смешанных браков. В современных условиях на первое место выходит религия, как препятствие для заключения браков с некоторыми из соотечественников или мигрантов. Так, как пишет Г. С. Солодова, проводившая исследование в среде мигрантов в городах России, «опрос показал, что нередко для мигрантов определяющим был не национальный, этнический признак..., а конфессиональный... Вероисповедание в этом случае становится важным фактором» (Солодова 2011: 47). По наблюдениям О. Маховской, у русских девушек, если они, выходя замуж за представителей мусульманских народов, не принимают ислам, «семьи не получается» (О. Маховская, цит. по: Кузнецова 2011). По данным опроса, проведенного Д. О. Ореховой, 80% респондентов отрицательно относятся к идее смены религии при заключении межнационального брака, 10% отнесли к вопросу смены религии безразлично, еще 10% объявили себя неверующими (Орехова 2012: 75).

Отчасти поэтому ситуация вокруг межэтнических семей в городах коренной России достаточно напряженная. Межэтнические семьи порой существуют в негативном контексте. Н. Л. Крылова говорит о своеобразном проявлении «русского расизма» по отношению к русско-африканским парам, «где превалирует бестактное, прямо-таки варварское любопытство» (Крылова 2006: 240). Можно сказать, что до некоторой, более слабой, конечно, степени такое проявление присутствует и по отношению к любым парам, в которых супруги относятся к разным культурам. Об «излишне повышенном интересе среди окружающих» (Гриценко 1991: 55) к межэтническим семьям, правда, в период обострения межэтнических конфликтов на рубеже 1980–1990-х гг. говорит также В. В. Гриценко, именно тогда как раз, когда, видимо, межэтнические семьи и стали восприниматься как явление неординарное, в отличие от советского времени. Л. А. Осьмук также, говоря о внешних факторах, влияющих на прочность межэтнической семьи, указывает на «нездоровый интерес и даже конфликтную напряженность вокруг “странной” для общества семьи» (Осьмук 2014: 121). Такой «нездоровый интерес» вызывает разность культур представителей разных народов, что почти не осознавалось в СССР, где была единая советская массовая культура. Эта реакция говорит о неполной включенности межэтнической

брачности — по крайней мере, между представителями ряда народов — в социокультурный сценарий современного российского общества: свидетельством тому, что такая семья воспринимается как необычная «странной», задерживающей на себе внимание. Межэтнические семьи, в отличие от советского времени, сегодня не отражают ведущего идеологического тренда общества. Будучи вне тренда, они общественным мнением воспринимаются как явление пугающее.

«Страшилка» возникает из общего ощущения психологического дискомфорта, который порождают межэтнические семьи, угрозы культурной самоидентификации. По мнению М. А. Зейтунян, «данная опасность [потери национальной самобытности в результате межэтнических браков. — С. Л.] преувеличена, поскольку сохранение национальной культуры происходит не на генетическом, а на сознательном уровне» (Зейтунян 2006). И в целом, как мы видели на материалах опросов, больше половины молодежи не признает опасности межэтнических браков, но и не смотрит на них как на желательное явление, сводя их к факту частной жизни. «Лишенные идеологической поддержки, этнически смешанные семьи все же создаются» (Верецагина 2003).

Конечно, межэтнические браки имеют внутри себя качественные отличия. Так еще А. А. Сусоколов выделял три их типа: 1) семьи с партнерами, близкими по этническим, этнокультурным характеристикам и традициям (одинаковая религия, схожий быт, обычаи, система ценностей); 2) семьи с партнерами, близкими по культурным характеристикам (одинаковая религия, близкая ценностная система), но неблизкие этнически и различающимися по традиционному строю жизни; 3) семьи с партнерами, далекими по этнокультурным характеристикам и национальному менталитету (разные религии, разные культура и система ценностей, разные цивилизационные особенности) (Сусоколов 1989: 98). Браки двух первых типов и в современной в значительной степени этноцентрированной системе мировоззрения могут быть основаны на одинаковой направленности культуры, и для этнической культуры опасности не представляют. Более осторожно следует относиться к межконфессиональным бракам, поскольку они ведут к ассимиляции членов этноса, вступающих в брак в ценностно-чуждой культуре, и потере этих людей для собственной, изначально заданной культуры, выходу из нее. При господстве советской идеологии такого безвозвратного выхода из культурной системы не было — существовала иллюзия единого ценностного основания культур народов СССР,

некоей унифицированной советской культурной среды. Сегодня, даже в условиях, когда складывается политическая российская нация, она не является ценностно монолитной, и от этого никуда не уйти. Потому межэтническая брачность — явление, которое так приветствовалось в СССР, в современной России вызывает очевидную растерянность. С одной стороны, невозможность и, что важно, очевидное нежелание его изжить, ибо оно остается в сознании россиян, как наследников советской культуры, безусловно легитимным. С другой стороны, его сложно культурно-ценностно обусловить.

Источники

Асанова Э. С. Межэтническое взаимодействие в условиях национально-смешанных семей республики Адыгея (социологический аспект): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2009. 23 с.

Бокова Т. Л. Основные тенденции в развитии многонациональной семьи в Российском обществе // Известия Томского политехнического университета. 2007. Вып. № 7, т. 11. С. 101–114.

Бракина Д. Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия). 70–90 гг. XX в. Новосибирск: Наука, 2005. 208 с.

Верецагина А. В. Типологическая характеристика семьи в современном российском обществе // Вестник института ИАЭ. 2012. № 2. Социология. С. 79–91.

Верецагина А. В. Этнически смешанные семьи на Северном Кавказе: образование и межэтническая адаптация: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2003. 26 с.

ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 27. Россияне о межэтнических браках [Электронный ресурс] // Сова: Информационно-аналитический центр. 2010. 27 авг. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/discussions/2010/08/d19632/> (дата обращения: 01.09.2018).

Галкина Е. М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей (по материалам этносоциологического исследования в г. Москве): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 27 с.

Гриценко В. В. Социально психологический климат вокруг национально-смешанных семей // Этнические факторы в жизни общества. М.: Ин-т этнологии и антропологии АН СССР, 1991. С. 53–62.

Гриценко В. В. Факторы устойчивости национально-смешанных и однонациональных браков (по материалам этносоциологического исследования в г. Аркале Казахской ССР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 21 с.

Делова Л. А. Социокультурные факторы межэтнической брачности: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2001. 27 с.

Динисламова С. Р., Садретдинова Э. В. Межэтнический брак и национально-смешанная семья в Башкортостане: состояние, динамика и факторы развития // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по материалам XX междунар. студ. науч.-практ. конф. 2014. № 5 (20). С. 62–67.

Дудник Ю. А. Сущность и динамика межэтнических браков и семей (на примере Республики Башкортостан) [Электронный ресурс]. 2007. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/17/dudnik_ua.doc.pdf (дата обращения: 15.09.2018).

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. Т. 4. М.: Статистика России, 2004. 574 с.

Зейтунян М. А. Межэтнический брак в системе социально-ценностных взаимодействий студенческой молодежи Республики Адыгеи: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2006. 23 с.

Количество межэтнических браков бесконтрольно растет [Электронный ресурс] // angara.ru: Аналитическая газета. [Б. г.]. URL: <http://www.angara.ru/braki-s-nacmenami.html> (дата обращения: 01.09.2018).

Коптяева Е. А. Молодежь и межэтнические браки: на примере населения городов Омска и Екатеринбурга // Молодежь в малых городах России. Заметки социального антрополога / Отв. ред. и сост. М. Ю. Мартынова, Н. А. Белова. М.: ИЭА РАН, 2016. 294 с.

Корнеева С. В. Межэтнические браки с иностранным партнером в современных условиях российского общества: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2006. 28 с.

Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. Хакасское книжное издательство, 2011. 25 с.

Крылова Н. Л. Афро-россияне: брак, семья, судьба. М.: РОССПЭН, 2006. 76 с.

Кузнецова О. Выйти замуж за гастарбайтера [Электронный ресурс] // [Собеседник.ру](http://sobesednik.ru). 2011. 6 сент. URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/vyiti-zamuzh-za-gastarbaitera> (дата обращения: 15.09.2018).

Макарова И. А. Межэтнические браки в современных условиях: особенности, факторы, мотивы формирования (на примере Забайкальского края) [Электронный ресурс.]: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Улан-Уде, 2013. URL: <http://www.dslib.net/soc-struktura/mezhnacionalnye-braki-v-sovremennyh-usloviyah-osobennosti-factory-motivy.html> (дата обращения: 15.09.2018).

Махарова Г. С. Национально-смешанные браки в Республике Бурятия на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. 25 с.

Межэтнические браки вредны и опасны [Электронный ресурс] // Maxpark. [Б. г.]. URL: <http://maxpark.com/user/2999269470/content/1959578> (дата обращения: 01.09.2018).

Межэтнические браки: исключение или норма? [Электронный ресурс] // Друзья: Межнациональная диалоговая площадка. [Б. г.]. URL: <http://диалог.онлайн/news/1073> (дата обращения: 01.09.2018).

Межэтнические браки: благо или опасная тенденция [Электронный ресурс] // Pravda.ru. [Б. г.]. URL: <http://www.pravda.ru/sport/cupper/09-10-2003/38830-brak-0/> (дата обращения: 01.09.2018).

Меняется картина межэтнического брака в России [Электронный ресурс] // Центр Льва Гумилева. [Б. г.]. URL: <http://www.gumilev-center.ru/menyaetsya-kartina-mezhehtnicheskogo-braka-v-rossii/> (дата обращения: 01.09.2018).

Минасян А. А. Феномен межкультурного взаимодействия в национально-смешанном браке [Электронный ресурс]. 2013. URL: http://www.rusnauka.com/15_NPN_2013/Istoria/1_139146.doc.htm (дата обращения: 15.09.2018).

Мурзабулатов М. В. Однонациональные и национально-смешанные браки в городах республики Башкортостан: Препринт доклада. Уфа, 1994. 21 с.

Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневецкий. М.: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. Центр демографии и экологии человека, 2006. 360 с.

Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1990. 46 с.

Николаева Д. С., Федорова Н. А. Психологические проблемы межэтнических браков в представлениях молодежи // Психология, образование, социальная работа: актуальные и приоритетные направления исследования. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2013. С. 211–219.

Орехова Д. О. Отношения к феномену межэтнических браков в современном российском обществе // Сборник конференции НИЦ Социосфера. 2012. Выпуск № 37. С. 73–81.

Особенности межэтнического брака [Электронный ресурс] // База знаний «Allbest». [Б. г.]. URL: http://revolution.allbest.ru/sociology/00158596_0.html (дата обращения: 15.09.2018).

Осьмук Л. А. Глобализация как фактор роста конфликтов в межэтнических семьях // Семья в XXI веке. Сборник материалов международного экспертного симпозиума (28 ноября — 2 декабря 2013 г.). Великий Новгород, 2014. С. 120–127.

Семенов В. А. Динамика межэтнических браков на Европейском Северо-Востоке на рубеже XX–XXI вв. (по материалам родословных) //

Социально-культурные процессы на территории Коми края: история и современность. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2014. С. 181–184.

Сизоренко З. Л. Межэтническая семья в крупном городе // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 140–142.

Сизоренко З. Л. Социальный потенциал межэтнической семьи [Электронный ресурс] // StudFiles: Файловый архив студентов. 1999. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4367834/page:18/> (дата обращения: 15.09.2018).

Смешанная семья как микроуровень культуры межэтнического общения [Электронный ресурс] // Евразия: Информационно-аналитический портал. 2014. URL: <http://evrazia.org/article/1362> (дата обращения: 15.09.2018).

Соболевская О. В. Смешанные браки измеряют дистанцию между этносами [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://iq.hse.ru/news/177665069.html> (дата обращения: 15.09.2018).

Солодова Г. С. Интеграция мигрантов-мусульман в Российское общество // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 44–49.

Сороко Е. Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской федерации // Демографическое обострение. 2014. № 4. С. 96–123.

Состояние в браке и рождаемость в России по данным микропереписи населения 1994 г. М.: Госкомиздат России, 1995. 243 с.

Столярова Г. Р. Феномен межэтнического взаимодействия (Опыт постсоветского Татарстана): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2004. 24 с.

Сусоколов А. А. Межэтнические браки в СССР. М.: Мысль, 1987. 142 с.

Титова Т. А. Этническое самосознание в национально смешанных семьях. Казань: «Форт-Диалог», 1999. 164 с.

Токарева Е. С. Межэтнический брак в системе ценностных ориентаций студенческой молодежи [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2013/05/3173> (дата обращения: 15.09.2018).

Трифонов А. Т. Современные межэтнические семьи: ценностные ориентации. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2014. 128 с.

Трифонов Т. Л. Особенности ценностных ориентаций современных межэтнических семей (на материалах Республики Бурятия): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2008. 26 с.

Уалиева С., Эдриен Э. Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане // Неприкосновенный запас. 2011. № 6. С. 34–45.

Хачатрян Л. А., Чадова А. А. Межэтническая семья в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1 (25). С. 127–135.

Чеснокова Т. Плавленные котлы Москвы и Петербурга [Электронный ресурс] // Росбалт. 2012. 8 мая. URL: <http://www.rosbalt.ru/nation/2012/05/08/977765.html> (дата обращения: 15.09.2018).

Шаган А. А. Этнически-смешанные супружеские пары в современной России: социологический анализ [Электронный ресурс] // Семья и демографические исследования: Научный интернет-журнал. 2015. URL: <http://riss.ru/demography/demography-science-journal/22268/> (дата обращения: 15.09.2018).

Шахбанова М. М. Отношение к межэтническим бракам в этническом сознании дагестанцев // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 72–76.

References

Asanova E. S. *Mezhetnicheskoe vzaimodejstvie v usloviyakh natsional'no-smeshannykh semej respubliki Adygeya (sotsiologicheskij aspekt)* [Interethnic interaction in the conditions of nationally mixed families of the Republic of Adygea (sociological aspect)]. Abstract of Ph. D. thesis. Maikop, 2009. 23 p. (In Russian)

Bokova T. L. *Osnovnye tendentsii v razvitiі mnogonatsional'noj sem'і v Rossijskom obshchestve* [The main trends in the development of a multinational family in the Russian society]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Journal of Tomsk Polytechnic University], 2007, iss. 7, vol. 11, pp. 101–114. (In Russian)

Brakina D. G. *Etnicheskie i etnokul'turnye protsessy v Respublike Sakha (Yakutiya). 70–90 gg. XX v.* [Ethnic and ethnocultural processes in the Republic of Sakha (Yakutia) in 1970th — 1990th]. Novosibirsk, Nauka, 2005, 208 p. (In Russian)

Chesnokova T. *Plavil'nye kotly Moskvy i Peterburga* [Melting boilers in Moscow and St. Petersburg]. *Rosbalt*, 2012, May 8, URL: <http://www.rosbalt.ru/nation/2012/05/08/977765.html> (access date: 15.09.2018). (In Russian)

Delova L. A. *Sotsiokul'turnye faktory mezhetnicheskoy brachnosti* [Sociocultural factors of interethnic marriage]. Abstract of Ph. D. thesis. Maikop, 2001, 27 p. (In Russian)

Dinislamova S. R., Sadretdinova E. V. *Mezhetnicheskij brak i natsional'no-smeshannaya sem'ya v Bashkortostane: sostoyanie, dinamika i faktory razvitiya* [Interethnic marriage and a nationally mixed family in Bashkortostan: state, dynamics and factors of development]. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Obshchestvennye nauki. Sbornik statej po materialam XX mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Scientific community of students of the XXI century. Social Sciences. Sat. Art. on mat. XX International stud scientific-practical conf.], 2014, no. 5 (20), pp. 62–67. (In Russian)

Dudnik Yu. A. *Sushchnost' i dinamika mezhetnicheskikh brakov i semej (na primere Respubliki Bashkortostan)* [The essence and dynamics of interethnic marriages and families (for example, the Republic of Bashkortostan)]. 2007, URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/17/dudnik_ua.doc.pdf (access date: 15.09.2018). (In Russian)

Galkina E. M. *Etnicheskaya identichnost' podrostkov iz natsional'no-smeshannykh semej (po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniya v g. Moskve)* [Ethnic identity of adolescents from nationally mixed families (based on ethnosociological research in Moscow)]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 1993, 27 p. (In Russian)

Gritsenko V. V. *Faktory ustojchivosti natsional'no-smeshannykh i ondonatsional'nykh brakov (po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniya v g. Arkale Kazakhskoj SSR)* [Factors of

*sustainability of nationally mixed and one-national marriages (Based on the materials of ethnoso-
cological research in the city of Arkale of the Kazakh SSR)*. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow,
1989, 21 p. (In Russian)

Gritsenko V. V. *Sotsial'no psikhologicheskij klimat vokrug natsional'no smeshannykh semej.
Etnicheskie faktory v zhizni obshchestva* [The social and psychological climate around nationally
mixed families. Ethnic factors in society]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology
AS USSR, 1991, pp. 53–62. (In Russian)

Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 g. [The results of the 2002 All-Russian Population
Census]. In 14 vols., vol. 4. Moscow, Statistika Rossii, 2004, 574 p. (In Russian)

Khachatryan L. A., Chadova A. A. *Mezhetnicheskaya sem'ya v sovremennom rossijskom obsh-
chestve* [Interethnic family in modern Russian society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya.
Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology], 2016,
iss. 1 (25), pp. 127–135. (In Russian)

Kolichestvo mezhetnicheskikh brakov beskontrol'no rastet [The number of interethnic marriages
is growing uncontrollably]. Anaga.Ru, [S. a.], URL: <http://www.anaga.ru/braki-s-naacmenami.html> (access date: 01.09.2018). (In Russian)

Koptyaeva E. A. *Molodezh' i mezhetnicheskie braki: na primere naseleniya gorodov Omska i
Ekaterinburga* [Youth and interethnic marriages: the example of the population of the cities of Omsk
and Yekaterinburg]. *Molodezh' v malykh gorodakh Rossii. Zametki sotsial'nogo antropologa* [Youth
in small cities of Russia. Notes of the social anthropologist]. Ed. & comp. by M. Yu. Martynova,
N. A. Belova. Moscow, IEA RAS, 2016, 294 p. (In Russian)

Korneeva S. V. *Mezhetnicheskie braki s inostrannym partnerom v sovremennykh usloviyakh
rossijskogo obshchestva: sotsiologicheskij analiz* [Interethnic marriages with a foreign partner
in the modern conditions of Russian society: a sociological analysis]. Abstract of Ph. D. thesis.
Moscow, 2006. 28 p. (In Russian)

Krivosnogov V. P. *Khakasy v nachale XXI veka: sovremennye etnicheskie protsessy* [Khakas
at the beginning of the XXI century: modern ethnic processes]. Khakass Book Publishing House,
2011. 25 p. (In Russian)

Krylova N. L. *Afro-rossiyane: brak, sem'ya, sud'ba* [Afro-Russians: marriage, family, fate].
Moscow, ROSSPEN, 2006, 76 p. (In Russian)

Kuznetsova O. *Vyjti zamuzh za gastarbajtera* [Get married to a migrant worker]. *Sobesednik.ru*,
2011, September 6, URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/vyiti-zamuzh-za-gastarbajtera> (access
date: 15.09.2018). (In Russian)

Makarova I. A. *Mezhetnicheskie braki v sovremennykh usloviyakh: osobennosti, faktory, motivy
formirovaniya (na primere Zabajkalskogo kraja)* [Interethnic marriages in modern conditions: fea-
tures, factors, motives of formation (on the example of the Trans-Baikal Territory)]. Abstract of Ph. D.
thesis. Ulan-Ude, 2013, URL: [http://www.dslib.net/soc-struktura/mezhnacionalnye-braki-v-sovre-
mennyyh-usloviyah-osobennosti-faktory-motivy.html](http://www.dslib.net/soc-struktura/mezhnacionalnye-braki-v-sovre-
mennyyh-usloviyah-osobennosti-faktory-motivy.html) (access date: 15.09.2018). (In Russian)

Makharova G. S. *Natsional'no-smeshannye braki v Respublike Buryatiya na sovremennom etape*
[Nationally-mixed marriages in the Republic of Buryatia at the present stage]. Abstract of Ph. D.
thesis. Ulan-Ude, 2003, 25 p. (In Russian)

Menyaetsya kartina mezhetnicheskogo braka v Rossii [The pattern of interethnic marriage in
Russia is changing]. Lev Gumilev Center, [s. a.], URL: [http://www.gumilev-center.ru/menyaetsya-
kartina-mezhehtnicheskogo-braka-v-rossii/](http://www.gumilev-center.ru/menyaetsya-
kartina-mezhehtnicheskogo-braka-v-rossii/) (access date: 01.09.2018). (In Russian)

Mezhetnicheskie braki vredny i opasny [Interethnic marriages are harmful and dangerous].
Maxpark, [s. a.], URL: <http://maxpark.com/user/2999269470/content/1959578> (access date:
01.09.2018). (In Russian)

Mezhetnicheskie braki: blago ili opasnaya tendentsiya [Interethnic marriages: a blessing or a
dangerous tendency]. Pravda.Ru, [S. a.], URL: [http://www.pravda.ru/sport/cupper/09-10-2003/38830-
brak-0/](http://www.pravda.ru/sport/cupper/09-10-2003/38830-
brak-0/) (access date: 01.09.2018). (In Russian)

Mezhethnicheskie braki: isklyuchenie ili norma? [Interethnic marriages: exception or norm?]. Friends. Interethnic dialogue platform, [s. a.], URL: <http://xn--80agbqqq.xn--80asehdb/news/1073> (access date: 01.09.2018). (In Russian)

Minasyan A. A. *Fenomen mezhkul'turnogo vzaimodejstviya v natsional'no-smeshannom brake* [The phenomenon of intercultural interaction in a nationally mixed marriage]. 2013, URL: http://www.rusnauka.com/15_NPN_2013/Istoria/1_139146.doc.htm (access date: 15.09.2018). (In Russian)

Murzabulato M. V. *Odnonatsional'nye i natsional'no-smeshannye braki v gorodakh respubliki Bashkortostan* [Single national and mixed marriages in the cities of the Republic of Bashkortostan]. Preprint report. Ufa, 1994, 21 p. (In Russian)

Naselenie Rossii 2003–2004. Odinnadstytj-dvenadstytj ezhegodnyj demograficheskij doklad [Population of Russia 2003–2004. Eleventh-twelfth annual demographic report]. Exec. editor A. G. Vishnevskij. Moscow, Institute for Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences. Center for Demography and Human Ecology, 2006, 360 p. (In Russian)

Naselenie SSSR po dannym Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g. [The population of the USSR according to the data of the all-Union population census of 1989]. Moscow, Finansy i statistika, 1990, 46 p. (In Russian)

Nikolaeva D. S., Fedorova N. A. *Psikhologicheskie problemy mezhetnicheskikh brakov v predstavleniyakh molodezhi* [Psychological problems of interethnic marriages in the ideas of young people]. *Psikhologiya, obrazovanie, sotsial'naya rabota: aktual'nye i prioritnyye napravleniya issledovaniya* [Psychology, education, social work: current and priority areas of research]. Tver, Tver State University, 2013, p. 211–219. (In Russian)

Orekhova D. O. *Otnosheniya k fenomenu mezhetnicheskikh brakov v sovremennoy rossijskom obshchestve* [Relationship to the phenomenon of interethnic marriages in modern Russian society]. *Sbornik konferentsii NITS Sotsiosfera* [Collection of conference SIC Sociosphere], 2012, iss. 37, pp. 73–81. (In Russian)

Osmuk L. A. *Globalizatsiya kak faktor rosta konfliktov v mezhetnicheskikh sem'yakh* [Globalization as a factor in the growth of conflicts in interethnic families]. *Sem'ya v XXI veke. Sbornik materialov mezhdunarodnogo ekspertnogo simpoziuma (28 noyabrya — 2 dekabrya 2013 g.)* [Family in the XXI century. Collection of materials of the international expert symposium (November 28 — December 2, 2013)]. Veliky Novgorod, 2014, pp. 120–127. (In Russian)

Osobennosti mezhetnicheskogo braka [Features of interethnic marriage]. Allbest Knowledge Base, [s. a.], URL: http://revolution.allbest.ru/sociology/00158596_0.html (access date: 15.09.2018). (In Russian)

Semenov V. A. *Dinamika mezhetnicheskikh brakov na Evropejskom Severo-Vostoke na rubezhe XX–XXI vv. (po materialam rodoslovnykh)* [The dynamics of interethnic marriages in the European Northeast at the turn of the XX – XXI centuries. (based on pedigrees)]. *Sotsial'no-kul'turnye protsessy na territorii Komi kraja: istoriya i sovremennost'* [Socio-Cultural Processes on the Territory of the Komi Territory: History and Present]. Syktyvkar, KRAGSiU GOU, 2014, pp. 181–184. (In Russian)

Shagyan A. A. *Etnicheski-smeshannye supruzheskie pary v sovremennoj Rossii: sotsiologicheskij analiz* [Ethnicmixed couples in modern Russia: a sociological analysis]. *Sem'ya i demograficheskie issledovaniya. Nauchnyj internet-zhurnal* [Family and Demographic Studies. Scientific Internet Journal], 2015, URL: <http://riss.ru/demography/demography-science-journal/22268/> (access date: 15.09.2018). (In Russian)

Shakhbanova M. M. *Otnoshenie k mezhetnicheskim brakam v etnicheskom soznanii dagestantssev* [Attitude towards interethnic marriages in the ethnic consciousness of Dagestanis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2008, № 11, pp. 72–76. (In Russian)

Sizonenko Z. L. *Sotsial'nyj potentsial mezhetnicheskoy sem'i* [Social potential of an interethnic family]. StudFiles. Students' File Archive, 1999, URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4367834/page:18/> (access date: 15.09.2018). (In Russian)

Sizorenko Z. L. Mezhetnicheskaya sem'ya v krupnom gorode [Interethnic family in a large city]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2007, no. 2, pp. 140–142. (In Russian)

Smeshannaya sem'ya kak mikrouroven' kul'tury mezhetnicheskogo obshcheniya [Mixed family as a micro level of culture of interethnic communication]. Eurasia. Information and analytical portal, 2014, URL: <http://evrazia.org/article/1362> (access date: 15.09.2018). (In Russian)

Sobolevskaya O. V. *Smeshannyye braki izmeryayut distantsiyu mezhdru etnosami* [Mixed marriages measure the distance between ethnic groups]. National Research University Higher School of Economics, URL: <https://iq.hse.ru/news/177665069.html> (access date: 15.09.2018). (In Russian)

Solodova G. S. Integratsiya migrantov-musul'man v Rossijskoe obshchestvo [Integration of Muslim migrants in the Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2011, № 4, pp. 44–49. (In Russian)

Soroko E. L. Etnicheski smeshannyye supruzheskie pary v Rossijskoj federatsii [Ethnically mixed married couples in the Russian Federation]. *Demograficheskoe obostrenie* [Demographic exacerbation], 2014, no. 4, pp. 96–123. (In Russian)

Sostoyanie v brake i rozhdaemost' v Rossii po dannym mikroperepisi naseleniya 1994 g. [Marital status and birth rate in Russia according to the 1994 micro-census]. Moscow, Goskomizdat Rossii, 1995, 243 p. (In Russian)

Stolyarova G. R. *Fenomen mezhetnicheskogo vzaimodejstviya* (Opyt postsovetskogo Tatarstana) [The Phenomenon of Interethnic Interaction]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Kazan, 2004, 24 p. (In Russian)

Susokolov A. A. *Mezhetnicheskie braki v SSSR* [Interethnic marriages in the USSR]. Moscow, Mysl, 1987, 142 p. (In Russian)

Titova T. A. *Etnicheskoe samosoznanie v natsional'no smeshannykh sem'yakh* [Ethnic identity in nationally mixed families]. Kazan, Fort-Dialog, 1999, 164 p. (In Russian)

Tokareva E. S. Mezhetnicheskij brak v sisteme tsennostnykh orientatsij studencheskoj molodezhi [Interethnic marriage in the system of value orientations of students]. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya* [Humanitarian scientific research], 2013, no. 5, URL: <http://human.snauka.ru/2013/05/3173> (access date: 15.09.2018). (In Russian)

Trifonova A. T. *Sovremennyye mezhetnicheskie sem'i: tsennostnyye orientatsii* [Modern interethnic families: value orientations]. Ulan-Ude, Buryat State University, 2014, 128 p. (In Russian)

Trifonova T. L. *Osobennosti tsennostnykh orientatsij sovremennykh mezhetnicheskikh semej* (na materialakh Respubliki Buryatii) [Features of the value orientations of modern interethnic families (based on materials from the Republic of Buryatia)]. Abstract of Ph. D. thesis. Ulan-Ude, 2008, 26 p. (In Russian)

Ualieva S., Edrien E. Mezhetnicheskie braki, smeshannoe proiskhozhdenie i «druzhiba narodov» v sovetskom i postsovetskom Kazakhstane [InterEthnic Marriages, Mixed Origin and “Friendship of Peoples” in Soviet and Post-Soviet Kazakhstan]. *Neprikosnovennyj zapas* [Immune Reserve], 2011, no. 6, pp. 34–45. (In Russian)

Vereshchagina A. V. *Etnicheski smeshannyye sem'i na Severnom Kavkaze: obrazovanie i mezhetnicheskaya adaptatsiya* [Ethnically mixed families in the North Caucasus: education and interethnic adaptation]. Abstract of Ph. D. thesis. Rostov-na-Donu, 2003, 26 p. (In Russian)

Vereshchagina A. V. Tipologicheskaya kharakteristika sem'i v sovremennom rossijskom obshchestve [Typological characteristics of the family in modern Russian society]. *Vestnik instituta IAE* [Bulletin of the Institute of IAE], 2012, no. 2 (Sociology), pp. 79–91. (In Russian)

VTSIOM. *Press-vypusk № 27. Rossiyanе o mezhetnicheskikh brakakh* [VCIOM. Press release № 27. Russians about interethnic marriages]. Sova, 2010, 27 Aug., URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/discussions/2010/08/d19632/> (access date: 01.09.2018). (In Russian)

Zeytunyan M. A. *Mezhetnicheskij brak v sisteme sotsial'no-tsennostnykh vzaimodejstvij studencheskoj molodezhi Respubliki Adygei* [Interethnic marriage in the system of social and value interactions of students of the Republic of Adygea]. Abstract of Ph. D. thesis. Maikop, 2006, 23 p. (In Russian)